

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ГЕРОИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Т.С. Вершинина, Л.Т. Баранская

Обсуждаются вопросы «происхождения» героического поведения на разных уровнях бессознательного (коллективного и индивидуального). Исследуется бессознательная мотивация, реализуемая в действиях субъекта, обусловленных стремлением к смерти, на материале различных дискурсов: научного, художественного, военного. Выявлены противоречия между неосознаваемыми и осознаваемыми представлениями о подвиге. Основные положения теоретической части подтверждаются предварительными исследованиями представлений о героическом поведении курсантов (людей, выбравших профессию из числа героических). Большинство опрошенных называют героями персонал, погибших во время выполнения служебного долга (26 %); людей, честно выполняющих свой долг, способных к спасению других людей (9 %), готовых к самопожертвованию, стремящихся спасти жизни других людей (35 %); не верят в существование героев 2 %; отрицают героизм в современной жизни 18 %; ситуативную готовность каждого к героическому поступку допускают 5 %. Представления о героизме в той или иной степени соотносятся с поступками или действиями, сопряженными с риском для жизни и направленными на преодоление трудностей во имя спасения чужих жизней, процветания страны, защиты Родины.

Ключевые слова: бессознательное, героическое поведение, бессознательная мотивация, подвиг.

Введение. Настоящая статья направлена на анализ роли бессознательного в формировании и проявлении героического поведения. Обращение авторов статьи к фрейдовским текстам обусловлено убежденностью в том, что «ничто не охватывает человеческую реальность так полно, как фрейдовский опыт» [3]. Как указывал З. Фрейд, исследовавший бессознательное содержание индивидуальной психики, поведение человека нельзя объяснить исключительно с точки зрения рациональной модели; в реальной жизни человек себя ведет не так, как это позволило бы ему достичь планируемого результата. Рациональная интерпретация поведения человека, позволяющая ему осознавать причины собственных поступков, названа З. Фрейдом «ложной поверхностью». Помимо нее, в поведении существует другая цепочка событий – «истинная линия поведения», абсолютно исключая осознание. Исходя из этого тезиса можно предположить, что подлинный смысл героического поведения остается непознанным для самого актора¹, зачастую приносяще-

го себя в жертву. Такое поведение, не объяснимое на уровне рационального, отражает сущность человека, проявляющуюся в иррациональности неосознаваемых мотивов поведения, амбициях, соперничестве, неприятию иерархии.

Практическая значимость данного исследования обусловлена особым вниманием к проблемам патриотического воспитания современной молодежи. В частности, когда возникает необходимость понять, что на самом деле происходит с личностью, вырванной из обычной жизни чрезвычайной ситуацией (локальные боевые конфликты в мирное время, техногенные и экологические катастрофы, стихийные бедствия, террористические акты и т. д.). Кроме того, важно выработать отношение к осмыслению современного противоречивого кино- и ТВ-дискурса героического поведения, представленного сериалами и фильмами конца 1990-х – начала 2010-х годов.

Исследованность проблемы. Обзор философско-психологических исследований фе-

¹ В настоящей статье актер (от лат. *actor* – деятель) рассматривается как индивид, общественная группа, институт или другой субъект, осуществляющий кон-

кретные действия; сторона, участвующая в конфликте. В политологии термины актер и субъект употребляются как синонимы.

номена героического поведения показывает, что героизм рассматривался как акт социальной активности, которому отводилась значимая роль действующей силы истории, а человек, осуществляющий его, становился «универсальным человеком», включенным в мифологически сконструированную политическую картину мира.

Проблеме героизма посвящено множество работ философов, историков, культурологов. Формат настоящей статьи не предполагает собственно библиографическое представление выполненного научного анализа рассмотренных авторами литературных источников. В то же время обобщенные результаты такого анализа можно представить в следующем виде.

В основных исследованных авторами статьи работах по проблеме образа героя представит в виде модели архетипического прообраза, предпринимается попытка раскрыть влияние религии на формирование героических символов либо представить рыцарство как модифицированную под влиянием идеологических и религиозных факторов форму героизма. В русской философской традиции, в том числе с позиций православия, герой рассматривается как личность, способная подчинить толпу, а в исследованиях эпического героического эпоса образ героя в мифе представлен как отражение в сознании человека модели мира. В работах марксистов образцы героического поведения раскрывались в рамках классовой борьбы, наполнялись идеями революционного преобразования мира. Особое значение приобрел героизм в тоталитарных обществах XX века, выполняя популяризаторскую роль, стимулирующую трудовые или военные подвиги.

Необходимо отметить, что проблеме героического поведения как особому психологическому феномену, требующему целостного мультидисциплинарного подхода, в современных психологических исследованиях до сих пор не уделяется должного внимания.

Вместе с тем основным результатом исследования феномена героического поведения явилось выделение его двухкомпонентной структуры (сознательного и бессознательного) и рассмотрение вклада каждого из этих компонентов в общее представление о героизме.

Обсуждение и интерпретация. Рассматривая феномен героического поведения, следует отметить прежде всего разноуровневый характер представлений о нем. Героизм мож-

но рассматривать как иерархизированную совокупность индивидуально-психологических и личностных характеристик, составляющих так называемое «центральное ядро» – наиболее стабильную часть, определяющую интенциональность героического поведения, вокруг которого формируется периферийный и факультативный слой. Периферийный (средний) слой составляют характеристики, которые могут достаточно легко меняться под влиянием тех или иных внешних факторов, связанных с иерархией ценностей и норм, разделяемых в том или ином обществе и социальной группе, а также с личностной и социальной идентичностью. Содержание третьего, факультативного (верхнего) слоя варьирует в достаточно широких пределах и зависит от различных факторов, в том числе от элементов случайности, которые оказываются строго индивидуальными.

Таким образом, исходя из представлений об иерархичности, многоуровневости героического поведения, можно сделать вывод, что характеристики базового уровня «центрального ядра», генетически связанные с бессознательным, остаются неизменными, постоянными. Они позволяют человеку не только принимать определенное решение в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, но и мгновенно действовать в соответствии с принятым решением. Составляющие среднего и верхнего слоев являются динамичными, именно в них отражаются те социальные изменения, свидетелем которых становится личность (включая морально-этическую оценку, социокультурные стереотипы и др.).

Основанием такого понимания является концепция В. Райха, считавшего, что человеческие поступки базируются на трех «различных слоях биопсихической структуры» [4]. При этом поверхностный слой, характеризующийся сдержанностью, вежливостью, состраданием, ответственностью и т. д., не соприкасается «с глубинной биологической основой индивидуальности; он опирается на второй, промежуточный слой характера, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти» [4, с. 9]. Эти импульсы отнесены З. Фрейдом к «бессознательному» и названы «вторичным влечением». Благодаря биологической основе человек представляется «при благоприятных условиях» как «рационально ненавидящее существо». По теории развития сознания К.Г. Юнга воспитание во

многим удерживает человека в рамках социального поверхностного слоя, а любая провокация приводит к искажению естественного, социального, либидозного импульса, что «препятствует подлинному проявлению жизни». Это, например, проявляется в современных политических, националистических, религиозных и других противостояниях «власти и разума» (в терминологии М. Фуко) в форме военных конфликтов, терроризма, ритуалов самоуничтожения.

Как отмечает А.Г. Асмолов, «в разные исторические эпохи то тут, то там звучало: „Во имя Господа. Именем его“... „во имя Народа“... „во имя Конституции“... Но как бы ни произносилась эта формула, она была излюбленным оправданием приоритета неких высших интересов государства над свободным выбором человека. С пугающей точностью в пьесе о последних днях Римской империи Фридрих Дюрренматт обнажает смысл этой формулы репликой Ромула: „Когда государство начинает убивать людей, оно всегда начинает называть себя родиной“» [1, с. 744].

Вместе с тем невозможно упразднить войны; они, будучи сходными с катастрофами и революциями, срывают с людей маски, созданные позднейшими культурными наслоениями; и на арену выходит первобытный человек, таящийся в индивидуе до тех пор, пока разного рода провокациями не будет нанесен удар по системе нравственных ценностей человека.

Все подлинное (искусство и наука), по В. Райху, возникает на естественной, биологической основе личности, в то время как активная деятельность, связанная со стремлением завоевать расположение масс, позиционировать себя в качестве их лидера, управлять толпой, вести завоевательные действия, воплощается в промежуточном слое вторичных влечений. Так, героическое поведение, замешанное на самоотверженности (например, в воспоминаниях узников концлагерей часто встречаются описания случаев, когда матери бросались на защиту своих детей, которых нацистские солдаты отбирали у них), сходно с безрассудством млекопитающего (пример волчицы, защищающей своих щенят). В обоих случаях речь идет о совокупности «иррациональных характерологических реакций», замешанных на искаженных эмоциях [4, с. 14].

Исходя из вышесказанного героическое поведение можно рассматривать как слаженную систему реакций, возникающих одновре-

менно на разных уровнях (от нейрофизиологического до социального), вызывающих искаженные эмоции и иррациональные действия, внешне направленные вовне – на «чужого». Выражаясь в агрессии, производной от инстинкта самосохранения («убей или погибнешь»), они, по сути, имеют обратный, направленный на самого человека, вектор превращенных целей влечения, «вместо активной цели (мучить, разглядывать) становится пассивная: быть мучимым, разглядываемым... Наряду с унижением, преодолением он стремится причинять боль» [7, с. 134–135]. Цели влечения, превратившись в пассивные, направленные на «себя», диктуют поведенческие проявления в виде разного рода действий, демонстрирующих привлекательные, по мнению индивида, стороны, которые обществом могут расцениваться как социально значимые и упрочиваются в виде объективированных знаков-раздражителей (живопись, памятники, мемориалы и т. д.), создающих установку на социально одобряемые модели поведения, в том числе на героизм.

В концепции М. Фуко идеи З. Фрейда об онтологических основаниях субъекта и жизни развиваются в центральной теме «знание – власть». Началом, примиряющим несовместимые на первый взгляд вещи – сознательное и бессознательное, смерть и бессмертие, инстинкт самосохранения и безрассудное поведение, является мораль, преобразованная «в один из поэтических приемов, роль и значение которого» [2] определяются общественной ситуацией. Именно таковым является подвиг как актуальное проявление героического поведения, всегда воспринимаемый окружающими и обществом с точки зрения моральных установок и стереотипов. При этом личностные ценности действующего субъекта, как и нравственный смысл поступка, оказываются недостойными внимания. Подтверждение этому можно найти у Ж. Лакана, по мнению которого «субъект узнает себя в том или ином качестве только на основе означающего» [9, с. 79]. Так, например, до распада СССР смысл героического поведения, символизирующего человека новой формации, отстаивающего в военное и мирное время идеалы лучшего будущего, был предельно точно выражен в адекватных дискурсивных и недискурсивных конструктах (в литературе, музыке, архитектуре, массовых мероприятиях и т. д.). Возникшее в начале 1990-х годов состояние социальной неопределенности в зна-

чительной мере обусловило смену систем ценностей: ценность коллективизма сменяется ценностью индивидуализма. Предпринятая в этот период рационализированная попытка отказа от советского прошлого, сохранявшегося неизменным на уровне «коллективного бессознательного», размывает денотативный смысл «героического поведения». Не находя адекватных способов объективации, героическое проявляется в противоречивых социальных действиях людей, принадлежащих к разным социальным слоям общества, включая деструктивное противоправное поведение. С наибольшей очевидностью рассогласование объективного и субъективного в структуре героизма проявляется в интерпретации и оценке героических поступков участников локальных боевых действий в мирное время.

В работе «Мы и смерть» З. Фрейд пишет: «...бессознательное в нас не верит в собственную смерть. Оно вынуждено вести себя так, будто мы бессмертны. Быть может, именно в этом кроется тайна героизма» [8]. Далее он предполагает, что человек более дорожит другими всеобщими или абстрактными ценностями, нежели его собственная жизнь. Даже беглый взгляд на историю человечества, насыщенную войнами, революциями и пр., дает основание согласиться с автором. Действительно, банальный пример, когда на человека нападают хулиганы с ультиматумом «жизнь или кошелек», и человек, до последнего не веря в возможность собственной смерти, будет пытаться сохранить у себя свой кошелек, иллюстрирует, что страх смерти, присущий каждому человеку, часто испытываемый им и происходящий «по большей части из чувства вины», вступает в противоречие с уверенностью бессознательного в бессмертие. Об уверенности в собственном бессмертии могут свидетельствовать и многочисленные анекдоты, шутки, посвященные теме смерти, похорон «чужих». Циничность шуток по такому поводу лишь подтверждает присущую человеку склонность отрицать неизбежный исход человеческой жизни. Говоря словами З. Фрейда, «чаще мы встречаемся с импульсивным или инстинктивным героизмом», основанным на такой уверенности [8]. При этом человек легко признает смерть чужих, врагов, зачастую вопреки религиозным верованиям желая ее другим («греховные помыслы»). В этом цивилизованный человек схож, по мнению З. Фрейда и В. Райха, с первобытным человеком, сохраняя формы архаического пове-

дения. Современный человек не менее жесток, чем первобытный. Однако жестокость первобытного человека совестливее, по сравнению с образцами поведения воюющих в XX веке. Первобытный дикарь не войдет в свое селение, пока не искупит совершенные им убийства покаянием, «подчас долгим и трудным».

К.Г. Юнг утверждает, что коллективное бессознательное – память, хранящаяся в теле человека об истории эволюции, влияющая на нашу жизнь. С его точки зрения, человек в своем стремлении защищать и сохранять свою территорию движим глубокими древними инстинктами, адаптируемыми им к окружающей обстановке [6, с. 40]. Человечество в ходе эволюции, начиная с первобытнообщинного строя, всегда вело войны за территорию: если одна сторона отвоевывала эту территорию, то другая – вела захватническую войну за нее. Цивилизационный процесс, как это не парадоксально, «усовершенствовал» задачи человека воющего. Расширился диапазон захватнических «мероприятий» – восстания, революции, завоевание и уничтожение целых государств (мировые войны). Но и сегодня сохраняются конфликты территориального значения (так, военные конфликты стали обыденным явлением). Чем более развивалось человечество, «повышая» уровень культуры, тем более нарастала агрессивность как способ выражения множественности моральных нормативов. З. Фрейд и К.Г. Юнг обнаруживали у своих пациентов симптомы, отражающие конфликт между осознаваемыми ценностями, социально одобряемыми ценностями (семья, культура), и неосознаваемыми (инстинкты). Классический психоанализ утверждает, что сознание, сформировавшись недавно, контролирует лишь незначительную часть человеческого бытия. Действия под влиянием эмоциональной энергии, направленной в область бессознательного, управляются им в тех ситуациях, когда привычные методы не справляются с трудной проблемой.

Более глубокое прочтение подобного рода социальных клише, вплоть до идентификации себя с этими образцами, проявляющимися зачастую в демонстративном самоповреждающем поведении, позволяет подойти к проблеме садизма и мазохизма в действиях человека, «...превращение садизма в мазохизм означает возврат к нарциссическому объекту... нарциссический объект заменяется другим посторонним „Я“ посредством иденти-

кации» [7, с. 140]. В этом отношении справедливо замечание М.М. Решетникова, касающееся поведения человека на войне в мирное время: «...наряду с реальным героизмом... относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства (как исход „разборок“ среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно – на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на территорию (особенно – в случае иноязычного) противника» [5].

Появление склонности к агрессивным действиям против чуждого объекта, непреодолимое желание его уничтожить возникают на фоне испытываемых неприятных ощущений, возникающих при столкновении с этим объектом, что продиктовано необходимостью увеличить расстояние между «Я» и объектом, стремлением избежать этого раздражения. В роли объекта, вызывающего неприятные ощущения, может выступать тот, кто представляет угрозу «Я», идентифицируемому с социумом. Это неприятное, «чуждое» должно быть исключено из системы ощущений «Я», а сложившиеся традиции отчуждения этого внешнего раздражителя сводятся к его уничтожению.

Таким внешним раздражителем в условиях военных действий, экстремальных ситуаций может выступать страх, природа которого также кроется в глубинах бессознательного. По мнению З. Фрейда, все влечения представляют собой достаточно однородные структуры, действие которых зависит от «величины возбуждения» и ее функции, заключающихся во влечениях. При этом З. Фрейд не исключает произвола в определении видов влечения (влечение к игре, влечение к разрушению и т. д.). На этом основании можно предположить, что человеку, среди прочих влечений, свойственно и влечение к славе, и влечение к героическому поведению, основанному, как показано выше, в том числе на садизме и мазохизме. Иными словами, героическое поведение следует одновременно рассматривать и как влечение к смерти, разрушению самого себя, телесному уничтожению. Следовательно, поскольку удовлетворение, являющееся целью влечения, достигается только путем устранения «состояния раздражения в источ-

нике влечения» (по терминологии З. Фрейда), необходимо целесообразное изменение источника внутреннего раздражения, повышение раздражения для усиления привлекательности цели влечения.

В качестве цели влечения и выступают на протяжении всей истории человечества образцы героев (легенды, былины, сказания, позднее политические мифы и т. п.) в роли тех объектов, на которых или посредством которых «влечение может достичь своей цели» (З. Фрейд). Когда же повышение раздражения связано с неприятными ощущениями, а избавление от них «посредством мускульных движений» невозможно, нервная система встает перед необходимостью устранить всякие раздражения, отказаться от идеальной цели. Личность, обладая тремя слоями биопсихической структуры, возникшими в результате общественного развития, и сохраняя историческую память о своей эволюции, предстает как структурно сложное живое образование, несущее «в себе богатое наследие на подсознательном (инстинктивном) уровне» [6, с. 40], предпринимающее героические усилия в росте сознания для преодоления уже известного другим, а в случае сложности проблемы направляющее свою эмоциональную энергию в область бессознательного. Человек как биопсихо-социальное существо, поведение которого зависит как от его внутренних потребностей, инстинктов, влечений и т. д., так и от внешних раздражителей, вызывающих ответные реакции организма, в любом поведенческом акте мобилизует совокупность психологических механизмов. Так, в психике пробуждаются защитные силы организма против осознанной внешней угрозы (одну из которых З. Фрейд называет «идентификацией с агрессором»).

В советском обществе такой неразрешимой проблемой выступало несоответствие продекларированных целей государства всеобщего равенства и братства, с одной стороны, и еще большее (по сравнению с царским режимом) закрепощение (крестьянской) части населения и уничтожение (репрессии) граждан – с другой. Фактический запрет телесных удовольствий в СССР, пропаганда самоограничения, самоотречения и выполнения долга как возможность достижения счастья, отвлечения человека от жизни «во всех ее проявлениях» (по В. Райху) формируют лиц с аскетической, антисексуальной установкой, не способных, в частности, разрешить в себе проти-

воречие между половыми потребностями и моральными запретами. Такое противоречие требует замещения половых влечений, обладающих способностью «легко менять свои объекты» (по З. Фрейду), что может проявляться в измененной, далеко ушедшей от первоначальных целей форме (сублимирование). Социально одобряемые образцы героического поведения, выступающие, по мнению З. Фрейда, в роли ценных объектов, идеалов, связаны с восприятиями и переживаниями, в которых «первоначально идеалы отличаются от отвратительных объектов только незначительными оттенками» [7]. Неразрешимое противоречие в сознании на фоне искаженных эмоций разделяет на две части первоначальное представление, связанное с влечением: вытесняя одну, оставляет другой части возможность превратиться в идеал, благодаря тесной связи с внушающим отвращение переживанием [7].

В своей работе «Влечения и их судьба» З. Фрейд выделяет три противоположности «Я» – любить, быть любимым и ненавидеть. Все они, будучи объединенными, противопоставляются равнодушию. Противопоставление субъекта и объекта («Я» – «не-Я»), навязанное каждому живому существу, в его интеллектуальной деятельности создает «основание для развития способности к исследованию внешнего мира» [7]. «Я», относясь пассивно к внешним раздражениям, становится активным к внешнему миру благодаря собственным влечениям. Например, даже получая из внешнего мира объекты, отвечающие влечению к самосохранению, индивид априори воспринимает их в течение какого-то временного интервала как неприятные. Испытывая сложные переживания «Я», он разделяет внешний мир на то, что доставляет ему удовольствие, и на чуждое ему. Постепенно, проходя через определенные этапы, когда индифферентность подчинена ненависти, объект превращается для индивида в источник наслаждения, и, сливаясь с его «Я», приближая объект к «Я», человек начинает любить объект [7]. Социально одобряемые образцы индивидуальной активности, выступающие в роли раздражителей из внешнего мира, становятся желаемыми, «Я» стремится идентифицировать себя с ними (причем публично), получить признание, что особенно важно для «Я» в условиях систематически навязываемых идеалов. Это, например, ярко проявилось в героическом труде советских людей в период

послевоенного восстановления страны, когда «полуголодные и раздетые» труженики города и села не придавали значения личным нуждам, считая их мелкими и незначимыми по сравнению с потребностями страны.

Выявление сущности героического поведения требует исследовать психологические механизмы, вызывающие стремление индивида к проявлению такого рода активности в различных ситуациях, связанных с риском для жизни и здоровья человека (в условиях войны, чрезвычайных ситуаций, криминального поведения и др.). На рациональном уровне невозможно объяснить, почему человек посягает на собственную целостность как биопсихо-социального существа. Поведение, осуществляемое всякий раз в ситуациях, выходящих за рамки привычного и известного, как правило, многовариантно и непредсказуемо. Так, по К.Г. Юнгу: «...чем ограниченнее поле сознания человека, тем многочисленнее психические содержательные элементы (образы), которые посещают его в виде как бы внешних явлений... (...начинают говорить даже деревья и камни)...» [6].

Героическое поведение как вероятностный выбор человека в экстремальных ситуациях, независимо от силы и реактивности его психики, задается личностно-смысловыми детерминантами как надсознательными структурами. Такое поведение может быть отнесено к поступку (волевому началу), основанному на интеллектуальной деятельности в исследовании внешнего мира (по З. Фрейду), и базируется на чувстве «самости», развившемся благодаря развитию сознания, в отличие от «примитивного» человека.

Определенного рода подтверждением вышеизложенному служат результаты пилотажного исследования рациональных когнитивных представлений о героическом поведении у молодых людей, выполненного с участием 93 курсантов Екатеринбургского института МЧС России. Всем участникам исследования было предложено написать эссе на тему «Герой нашего времени», в котором необходимо было ответить на некоторые вопросы, например, «Кого можно считать героем нашего времени и почему?», «Если в наше время никого нельзя назвать героем, то почему?», «Уместно ли в наше время говорить о героизме?».

Участники исследования – представители молодого поколения, носители изменчивых противоречивых социальных представлений –

стремятся в большей степени соответствовать тому, что считают ценным в обществе в настоящий момент. Чуткие к происходящим в обществе изменениям в силу особенностей своего возраста, молодые люди в своих представлениях о героизме в большей степени отражают характеристики, относящиеся к «периферическому слою», связанному с разделяемыми в социальной группе иерархизированными ценностями и нормами, обусловленными к стремлению социально-профессиональной идентичности.

Анализ полученных данных позволяет сделать некоторые предварительные выводы относительно представлений о героизме у курсантов (людей, выбравших профессию из числа «героических»). Большинство опрошенных (26,3 % выборки) при ответе на первый вопрос «Кого можно считать героем нашего времени и почему?» называют героями конкретных лиц, отмеченных государственными наградами, погибших во время выполнения служебного долга (или умерших позднее от последствий ЧС), спасая людей. Почти каждый десятый опрошенный назвал среди героев людей, честно выполняющих свой долг, способных к спасению других людей, но без указания конкретных имен («врач», «спасатель», «дед», «пожарные»).

На готовность к самопожертвованию, стремление спасти жизни других людей как на свойства героических личностей указывают 35,35 % опрошенных, 16,16 % считают, что вообще героев не существует, а 2,02 % принявших участие в исследовании курсантов не верят в существование героев («только в сказках»). В целом феномен героизма в современной жизни в той или иной форме отрицают 18,18 % респондентов. В то же время только 5,05 % опрошенных допускают ситуативную готовность каждого к героическому поступку. Буквально единичными случаями представлены в целом оппозиционные мнения о том, что «героев много, только масштабы известности их героического поведения не на всю страну известны»; «شوмены – это герои» («победа Билана на Евровидении – патриотический поступок»; героизм соотносится с мудростью (т. е. герой отличается сдержанностью).

Все указания на героизм связаны в той или иной степени с поступками или действиями, направленными на достижение разного рода результатов (зачастую сопряжено с риском для жизни спасение чужих жизней, процветание страны, спасение Родины и др.).

На второй вопрос «Если в наше время никого нельзя назвать героем, то почему?» ответили всего 26 респондентов. По их мнению, «сегодня нет героев» (16 человек), потому что «я лично их не встречал» (6 человек), поскольку «все эгоисты» (1 человек) и только «ситуация определяет способность проявить героизм» (3 человека).

На третий вопрос «Уместно ли в наше время говорить о героизме?» утвердительно ответили большинство (58,58 % опрошенных), объясняя свою позицию необходимостью создания образов, на которые должны равняться молодые поколения («к чему нужно стремиться»), изменением моральных принципов общества («потому что надо знать своих героев, такие люди были, есть и будут»); либо дали ответ «да» без какого-либо объяснения.

При этом каждый седьмой опрошенный (14,14 % выборки) ответил, что говорить сегодня о героизме неуместно (в основном не объясняя причин своего мнения) либо ссылаясь на свой ответ на второй вопрос. Остальные оставили данный вопрос без внимания либо указали, что не знают, как ответить.

Таким образом, результаты пилотажного исследования в целом позволяют считать, что в ответах курсантов отсутствуют характеристики «ядерного слоя» представленной модели героизма как наиболее стабильной части, определяющей интенциональность поведения в конкретной ситуации. Следовательно, можно предположить, что в обществе формируется лишь одна из вероятных «когнитивных» моделей героического поведения.

Выводы

Таким образом, в теоретическом и пилотажном эмпирическом исследовании прослежена логика развития героического поведения: от инстинктивных бессознательных реакций к мотивированным волевым актам. Однако содержательное наполнение последовательных переходов, существующих внутри описанной последовательности, затруднено тем, что в современных концепциях личности такой аспект практически не рассматривается.

Литература

1. Асмолов, А.Г. *Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 744 с.*

2. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.

3. Лакан, Ж. Имена-Отца: пер. с фр. / Ж. Лакан. – М.: Изд-во «Гнозис», 2006. – 160 с.

4. Райх, В. Психология масс и фашизм / В. Райх. – М.: ООО «Изд-во „АСТ“», 2004. – 544 с.

5. Решетников, М.М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения / М.М. Решетников // *Artofwar*. – http://artofwar.ru/r/reshetnikow_m_m/text_0010.shtml.

6. Робертсон, Р. Введение в психологию

Юнга / Р. Робертсон. – Ростов н/Д: «Феникс», 1999. – 307 с. – (Серия «Психологические этюды»).

7. Фрейд, З. Влечения и их судьба / З. Фрейд // *Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: сб.* – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 124–150.

8. Фрейд, З. Мы и смерть / З. Фрейд. – http://www.libok.net/writer/3939/kniga/49201/freyd_zigmund/myi_i_smert.

9. Lacan J. *The Seminars of Jacques Lacan. Book 3: The Psychoses, 1955–1956* / J. Lacan; ed. J.-A. Miller. – N.Y.: Norton, 1993.

Поступила в редакцию 13.05.2012 г.

Вершинина Татьяна Станиславовна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры клинической психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: wtatiana@mail.ru

Tatiana S. Vershinina. Candidate of philological sciences, associate professor of clinical psychology department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: wtatiana@mail.ru

Баранская Людмила Тимофеевна. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры клинической психологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: lubaran@rambler.ru

Lyudmila T. Baranskaya. Candidate of pedagogical sciences, associate professor of clinical psychology department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. E-mail: lubaran@rambler.ru